

ТОЛЬКО
ДРОНГО
ЗНАЕТ
ОТВЕТ

*Она не может так
искусно играть!
Если она решилась
на убийство, то он бы
почувствовал
злую энергетику,
разрушительную
силу...*

Чингиз Абдуллаев

Осенний
мадригал

Чингиз Акифович Абдуллаев

Осенний мадригал

Серия «Дронго», книга 49

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180941
Осенний мадригал: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-30782-1

Аннотация

Известного тележурналиста убивают на роскошной даче, стоящей на берегу Каспийского моря. И по закону жанра подозреваются все, кто был в этот момент на даче. Ни у одной из многочисленных версий нет убедительных доказательств. Эксперт-аналитик Дронго понимает: дело зашло в тупик. И... он выдвигает собственную – как всегда парадоксальную и непредсказуемую – версию. Может быть, убийца среди тех, кто вне всяких подозрений?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Чингиз Абдуллаев

Осенний мадригал

*Женская догадка обладает большей точностью,
чем мужская уверенность.*
Редьярд Киплинг

Глава 1

Традиции – это законы общества, обращенные в прошлое. Иногда они бывают справедливыми, иногда не очень и совсем не подходят для будущего. Но они довлеют над настоящим, заставляя людей снова и снова обращаться к опыту своих предков, большей частью обретенному в нелегких испытаниях и доказавшему свое право на существование.

Он всегда старался соблюдать некие традиции, принятые у него на родине. И когда в очередной раз отец позвонил и пригласил его в Баку, на свадьбу племянницы, Дронго не мог отказать, сославшись на занятость или отсутствие желания. За долгие годы одиночества он выработал свой собственный моральный кодекс поведения. И первым правилом этого кодекса был безусловный приоритет мнения родителей. Дронго считал себя счастливым человеком, понимая, как трудно в условиях урбанизированного двадцать первого века дожить до восьмидесяти лет. Но когда его родители перешаг-

нули из прошлого века в следующее тысячелетие, отметив вместе с остальными дату с тремя нулями, он всерьез решил, что это настоящий подарок судьбы. Даже на Кавказе, который славился своими долгожителями, не слишком много людей переходили отметку в семьдесят пять или восемьдесят лет. Сказывались постоянные стрессы, неблагоприятная экологическая обстановка, несерьезное отношение к собственному здоровью.

После девяносто первого года многие забыли о профилактике болезней. Сразу за распадом страны в некоторых республиках появились забытые болезни, в том числе и эпидемия детского полиомиелита, невозможная в прежние времена. Женщины отказывались рожать в больницах, понимая, какое трудное бремя расходов ложится на семью, и предпочитали оставаться дома, рискуя умереть от заражения крови. Старикам молча терпели боль, не решаясь беспокоить детей просьбами о покупках дорогих лекарств. В девяностые годы произошла настоящая революция в настроениях людей, которые отказались от заботы о собственном здоровье, предпочитая иметь лишние деньги для помощи своим детям и внукам. Дорогие препараты перестали покупать, а построенные иностранцами и оснащенные новым оборудованием больницы пустовали, так как никто не решался в них лечиться. Да и многим такое лечение было не по карману.

Именно поэтому Дронго считал себя счастливым человеком, уже успевшим понять и оценить счастье взрослого муж-

чины средних лет, имеющего родителей. Пока живы наши родители, мы еще дети, любил повторять сорокатрехлетний Дронго. Именно поэтому он не мог отклонить приглашение отца и приехал на свадьбу, чтобы присутствовать на торжествах, собравших более трехсот родственников.

Свадьба в Баку – всегда больше чем свадьба. Это настоящий ритуал, в котором роли распределены заранее и достаточно много действующих лиц, каждый из которых прилежно выполняет свою задачу. Сначала родственницы будущего жениха отправляются знакомиться с матерью и тетками будущей невесты. Затем, поговорив, познакомившись и получив предварительное согласие, женщины сообщают об этом мужчинам. С этого момента начинается официальная часть. Мужчины – родственники будущего жениха, его отец, дяди, старшие братья – отправляются получать разрешение у мужчин будущей невесты. Их встречают за накрытым столом. Но если чай подадут без сахара, это будет означать, что сватам отказано. А если на столе появился сахар, то беседа становится неторопливой и спокойной. После чего все завершается благословением и разрешением молодым официально встречаться.

Затем наступает обмен кольцами. Родственники жениха готовят чемоданы с подарками всем членам семьи невесты. В свою очередь, в пустые чемоданы нужно положить ответные подарки членам семьи жениха. Происходит обмен сладостями, при этом жених, кроме обручального кольца, может по-

дарить и еще несколько ценных вещей. Максимума нет, но большое количество и хорошая цена только приветствуются. Чем дороже и многочисленнее подарки, тем любезнее встречают жениха.

Невеста получает приданое от отца – мебель в будущий дом, белье, посуду и прочее, что будет необходимо в доме. И только затем начинаются собственно свадебные приготовления, которые завершаются свадьбой, на которую приглашают гостей с обеих сторон. А иногда гостей так много, что устраивают две свадьбы. Сначала отец невесты приглашает всех родственников, чтобы отметить вместе с ними свадьбу своей дочери. А уж затем отец жениха устраивает большую свадьбу, на которую собираются все родственники.

Таковы были традиции. Но в последние годы они вызывали только иронические замечания нового поколения. Молодые предпочитали сами встречаться и решать – где, когда и с кем им лучше жить. Что касается подарков и старомодных сервизов, то они не принимались. В лучшем случае молодые соглашались получить приданое деньгами и самим определить, что именно им стоит купить. Поэтому и на свадьбах вместо традиционных подарков стали дарить деньги в конвертах. Пятьдесят и сто долларов приветствовались, двести или триста делали дарителя близким человеком, а большая сумма считалась неприличной и вызывала нарекания, если, конечно, даритель не был подчиненным кого-то из родственников молодоженов или очень близким родственником. Под-

чиненный мог подарить даже автомобиль, но это считалось не взяткой, а выражением уважения своему начальнику.

Одним словом, новые традиции налагались на старые, несколько не стирая их, а, наоборот, видоизменяя и совершенствуя. И тем не менее Дронго должен был приехать на свадьбу и принять участие в этом грандиозном мероприятии, на которое собирались знакомые, малознакомые и совсем незнакомые люди.

В противоположной стороне зала сидели родственники жениха, которых он не знал в лицо. Дронго обратил внимание, что одна молодая женщина все время смотрит в его сторону, словно пытается поймать его взгляд. Он отводил глаза, понимая, как неприлично разглядывать незнакомую женщину. Он всегда помнил разницу между Западом и Востоком. И слова Киплинга об огромной разнице традиционных человеческих ценностей. В Германии, например, почти повсеместно были общие сауны, войдя в которые можно было обнаружить сидящих на скамейке супругов, один из которых мог подвинуться, чтобы уступить вам место. Вся драматургия подобного действия заключалась в том, что все посетители сауны были в костюмах Адама и Евы. Тогда как на Кавказе или в странах Средней Азии считалось неприличным даже смотреть в упор на чужую жену, а одно упоминание о подобной сауне было бы приравнено к неслыханному оскорблению.

Однако он чувствовал тревожный взгляд женщины, и это

начинало его беспокоить. Именно поэтому он поднялся и незаметно вышел из большого зала в просторный коридор, где можно было подышать свежим воздухом, благо все окна были раскрыты. Курильщики спускались вниз, на первый этаж. Считалось неприличным курить в присутствии старших, сын не смел появляться с сигаретой перед отцом, даже если сыну было уже шестьдесят и он был дедушкой. Дронго вышел из зала и огляделся. В коридоре стояло два телевизора, и все желающие могли видеть свадьбу на экранах – одновременно с торжеством шла и запись памятного мероприятия.

Он улыбнулся и пошел к лестнице. Но не спустился вниз к курильщикам, а поднялся наверх, на третий этаж, где было тихо. Усевшись на подоконник, он смотрел вниз, на мерцающие огни ночного города. Внезапно за спиной послышались чьи-то торопливые шаги. Он оглянулся и чуть нахмурился – это была она, та самая молодая женщина. Правильные черты лица, чуть удлинённый узкий нос, миндалевидные светлые глаза, мягкий подбородок, красиво уложенные черные густые волосы, доходившие до плеч. Чувственные губы. Она была в темно-сером платье с длинными рукавами. Он с удовлетворением отметил сдержанный наряд молодой женщины, ее элегантную небольшую сумочку и обувь от Гуччи. Стиль обуви и сумочек невозможно было спутать.

– Извините, – торопливо сказала она, глядя на него. Было заметно, как она волновалась. И спешила сюда, чтобы за-

стать его одного. – Я хотела вас спросить...

– О чем? – удивился Дронго. Они даже не были представлены друг другу.

– Вам нравится число «тридцать пять»? – неожиданно сказала она.

– Не знаю, – честно признался Дронго, – мне больше нравится число «семь».

– Почему семь? – не поняла незнакомка, чуть нахмурившись.

– Я родился седьмого, – пояснил он. Было очевидно, что своим неожиданным ответом он несколько поколебал ее решимость продолжать разговор. – Кроме того, мне вообще нравится семерка. Говорят, что число «шесть» имеет отношение к дьяволу, а число «семь» – к Богу. Наверно, поэтому.

– Вы верующий человек? – изумленно спросила она, сделав шаг в сторону.

– Скорее агностик, – усмехнулся Дронго, – очень хочется поверить, что мы с вами встретимся на том свете. В аду или в раю. Я бы согласился и на ад. Только ничего не будет. Ни рая, ни ада. В этом я абсолютно твердо убежден.

Было заметно, как она колеблется. Очевидно, она ожидала более конкретного ответа на свой вопрос. Дронго терпеливо ждал. В некоторых случаях лучше не форсировать события.

– У вас есть зажигалка? – неожиданно спросила она, не вынимая сигареты из сумочки.

– Нет, – ответил он, глядя ей в глаза. – Я не курю.

– Как странно, – произнесла она с заметным усилием, – я ведь тоже не курю. – Такое продолжение способно интриговать. Он смотрел на нее, ожидая продолжения разговора. Но она молчала. Очевидно, первые слова, которые она произнесла, были и без того слишком смелыми для нее.

– Почему-то мне показалось, что вы хотели поговорить именно со мной, – помог ей Дронго.

Она посмотрела по сторонам, словно опасаясь, что ее могут увидеть. И кивнула утвердительно.

– Мы раньше встречались? – поинтересовался он, вдруг испугавшись, что не узнал незнакомку.

– Нет, – улыбнулась она, – нет. Мы никогда раньше не встречались. Но я много слышала о вас. Говорят, вы самый интересный человек из тех, кого можно встретить в реальной жизни. В одной из газет я прочла утверждение журналистов, что вы либо экстрасенс, либо человек, прилетевший с другой планеты, – настолько точно вы умеете предсказывать события или объяснять поступки людей.

– Журналисты должны искать всякие сенсации, – недовольно пожал плечами Дронго.

– Вам не нравится ваша популярность? – поинтересовалась она.

– Не знаю. Никогда не думал об этом. Мне кажется, что эксперту по вопросам преступности лучше не иметь столь громкой славы. Это часто мешает работе. Я ведь не пою со сцены, чтобы собирать полные залы своих поклонников.

Она еще раз улыбнулась. Было заметно, как она начинает немного успокаиваться.

Он показал в сторону города:

– Красиво.

– Да, – согласилась она, – очень красиво. Извините, что я сама подошла к вам. Это так не принято в нашем городе.

– Ничего, – сказал он, повернувшись к ней. – Мне кажется, вы давно хотели прикурить именно от моей зажигалки.

Незнакомка кивнула. Глаза у нее были светло-карие или чуть темнее. В обрамлении темных волос они казались особенно красивыми. Вдруг она спросила:

– Я вам нравлюсь?

– Это вопрос или утверждение? – Иногда он ругал себя за подобный сарказм. Ведь было очевидно, что ей стоило огромного труда произнести эти слова. Но он не умел или не хотел слушать подобные вопросы. А может, он просто боится, вдруг с нарастающим испугом подумал Дронго. Может, он боится новых отношений, новых чувств, новой связи? Может, ему так комфортно в скорлупе собственных своих мыслей, что он не хочет никого туда пускать? Может, поэтому он так трагически одинок...

– Извините. – Она резко повернулась, чтобы уйти. Он схватил ее за руку.

– Простите меня, – искренне сказал он, – я не хотел вас обидеть. Сама ситуация показалась мне достаточно необычной. Я, наверно, чувствую себя немного чужим, давно не был

в городе. Не уходите, я неудачно пошутил.

Она взглянула на его руку. Он разжал пальцы. Наверно, он слишком быстро и слишком сильно схватил ее за руку.

Она покачала головой:

– Мне говорили, что с вами сложно разговаривать.

– Это тоже из разряда мифов, – возразил Дронго, – на самом деле я белый и пушистый.

– Даже слишком, – пробормотала она. – Знаете, почему я спросила вас о числе «тридцать пять»?

– Знаю, – пробормотал он, – конечно, знаю.

Она замерла.

– Вам исполнилось тридцать пять лет, – спокойно сказал Дронго, – и эта цифра вас, очевидно, нервирует. Или беспокоит. Я прав?

– Значит, вы все сразу поняли? – Было понятно, что она снова колеблется.

– Нет, но я пытался вычислить ваш возраст. Для тридцати пяти вы выглядите очень молодо.

– Это лесть или вы пытаетесь загладить вашу бестактность? – спросила незнакомка.

– Конечно, лесть. Но я пытаюсь вам понравиться.

– Не нужно, – она покачала головой, – вам это не удастся. Уже поздно. Извините, но я должна вернуться в зал.

Она повернулась и начала спускаться по лестнице.

– Почему? – спросил Дронго, глядя ей вслед. – Почему не удастся?

Незнакомка повернула голову.

– Вы мне уже понравились, – негромко сказала она, – еще до того, как я поднялась к вам.

Она повернулась и, сделав несколько шагов, исчезла из виду.

Дронго растерянно оглянулся.

– Какой я осел, – разозлился он, – даже не спросил, как ее зовут. Кажется, начинаю плохо ориентироваться. Видимо, на Западе чувствую себя гораздо увереннее и свободнее, чем на Востоке. Если бы подобный разговор состоялся где-нибудь в Париже или Берлине, то знал бы, как отвечать. Даже в Москве или в Будапеште. Но в Баку не сумел перестроиться.

Дронго нахмурился. Незнакомка, кажется, знала о нем больше, чем он о ней. Нужно будет вернуться в зал и попытаться узнать, кто она такая. И почему она проявила к нему такой интерес. Он еще раз посмотрел на ночной город и начал спускаться. Откуда ему было знать, что уже через два дня он будет стоять рядом с незнакомкой и слушать ее сбивчивый рассказ об убийстве.

Глава 2

В последние годы нефтяной бум вызвал в Баку заметное оживление. Появились пятизвездочные отели, офисы крупнейших компаний, многие информационные агентства обзавелись здесь собственными бюро, открывались новые посольства, выстраивались особняки новых «хозяев жизни». В центре города происходили разительные перемены. Но на улице Хагани, идущей вдоль парка, не было построено новых зданий. Стоявшие здесь строения считались образцом бакинской архитектуры разных периодов. Это было здание Союза писателей, построенное в конце девятнадцатого века, бывшее здание Союза композиторов, занимаемое турецким посольством и выстроенное в начале двадцатого века. И наконец, центральная библиотека со скульптурами просветителей и деятелей культуры, стоявшими вокруг здания под крышей с колоннами.

На Хагани, двадцать пять, находился и офис Дронго, который занимал две небольшие комнаты. Почтовый индекс дома был достаточно легким – тридцать семь и четыре нуля. Именно поэтому сюда шли письма со всего бывшего Советского Союза. И именно поэтому, приезжая в родной город, Дронго заходил в офис, чтобы ознакомиться с почтой и ответить на самые интересные письма. Здесь работали только два человека. Молодая девушка-секретарь, отвечавшая на теле-

фонные звонки и письма, а также помощник, выполнявший обязанности водителя. В большом штате не было никакой нужды, так как основную часть времени Дронго проводил в Москве или за рубежом.

Войдя в свой кабинет, он устроился в кресле, знакомясь с почтой. Минут через тридцать секретарь вошла и доложила ему, что у них посетитель. Дронго нахмурился. Посетители обычно искали его в Москве у Кружкова, где на проспекте Мира был их головной офис, а сюда лишь приходили письма на его имя.

– Кто пришел? – поинтересовался Дронго. Он не любил чувствовать себя чиновником, принимающим посетителей. Он вообще не любил подобные приемы или встречи. Для этого он был слишком независимым человеком. Ему больше нравились доверительные беседы, в которых люди рассказывали о своих проблемах.

– К вам женщина, – пояснила секретарь.

– Какая женщина? – не понял Дронго. – Спросите, как ее зовут.

– Самедова, – назвала фамилию секретарь, – вы можете ее принять?

– Она приходила раньше? – спросил Дронго.

– Нет, но у нее знакомый голос. Кажется, она звонила несколько раз и спрашивала, когда вы будете в городе. Но она никогда не представлялась. Хотя, возможно, мне только кажется.

– Пригласи ее, – разрешил Дронго, проверяя узел галстука. Секретарь вышла из кабинета, и в комнату тут же вошла вчерашняя незнакомка. Она была в темно-синем платье, волосы были тщательно уложены, очевидно, она успела утром побывать в парикмахерской. У нее были новые сумочка и обувь. Дронго оценил сдержанную элегантность наряда. Незнакомка явно имела возможность покупать себе дорогие платья и сумочки. Дронго шагнул навстречу.

– Добрый день, – поздоровался он, показывая в глубь кабинета, где стояли диван и два кресла.

– Здравствуйте, – кивнула ему незнакомка. Она чуть поколебалась, но прошла к дивану. Дронго прошел следом и устроился в кресле.

– Вы, наверно, удивлены? – спросила она.

– За долгие годы своей жизни я привык держать свое удивление при себе, – признался он. – Очевидно, вы заранее наводили обо мне справки?

– Конечно, – улыбнулась она, – говорят, вы самый лучший эксперт.

– Мы уже условились, что не будем обращаться к мифам, – напомнил он. – Что еще интересного вы узнали обо мне?

– Говорят, вы живете один и боитесь женщин. – Лукавый огонек в ее глазах мелькнул только на мгновение. – Еще говорят, что вы уже при жизни стали живой легендой и к вашему опыту многие обращаются, когда нужен совет или помощь.

– Советов я обычно не даю, – мягко возразил Дронго, – но людям помогаю, если они меня об этом попросят.

– В таком случае считайте, что я пришла к вам за помощью.

– Надеюсь, ничего серьезного, – предположил он.

Секретарь внесла в кабинет поднос, на котором дымились чашечка кофе и чашка чая. Рядом она поставила на столик вазочки с сахаром, конфетами и фруктами. Дронго не выдал своего удовлетворения. Очевидно, его работники начинали перенимать опыт своего руководителя. Секретарь заранее узнала, что именно будет пить гостя. Если Дронго предпочитал чай, то его гостя выбрала кофе.

– Вы не ответили на мой вопрос насчет женщин, – напомнила гостя, – вы действительно нас так боитесь?

– Это слишком интимный вопрос, – заметил он, протягивая руку к своей чашечке с чаем.

– Вы не хотите на него отвечать? Извините за мою настойчивость...

– Ничего. Но я женат, – сказал он, имея в виду Джил и своего сына.

– Я слышала об этом. Но говорят, что вы встречаетесь только раз в год. Или чаще?

– У вас искаженная информация. Я встречаюсь с ними так часто, как могу. Но они живут в Италии, а я должен работать, чтобы сохранить уважение к самому себе. И содержать свою семью. Хотя, честно говоря, они не нуждаются в моей

помощи.

– Извините. Я не думала, что вы будете столь откровенны.

– Просто я тоже наводил о вас справки, – признался Дронго. – Согласитесь, что вчера вечером вы меня заинтриговали. А на свадьбе легко найти людей, которые могут рассказать о любом из гостей.

– Интересно, что вам рассказали? – спросила она, прикусив нижнюю губу.

– Вам тридцать пять лет, вы уже давно замужем. У вас шестнадцатилетняя дочь. Вы врач, ваш отец тоже был врачом, причем хорошим. Муж – представитель известной семьи. Он занимает достаточно большую должность. Ваш тесть был одним из руководителей республики. В общем, у вас устоявшаяся жизнь.

– Вы узнали, как меня зовут?

– Да. Только не знаю, как именно к вам обращаться.

– Можете называть меня просто Эсмирой. А вы откликнетесь на эту странную кличку. Почему вы не любите, когда вас называют по имени?

– Меня обычно называют Дронго, – пояснил он, – я постарался забыть о своем имени сразу после развала нашей бывшей страны. Это было слишком больно и чудовищно глупо. После этого я решил, что прежний эксперт умер, а на его месте появился Дронго.

– Мне говорили, что вам нравится, когда вас так называют.

– Я уже привык, – признался он, поставив чашку на столик. – Чем я могу вам помочь?

– Дело касается моей дочери, – призналась она, – я понимаю, что в ее возрасте могут быть разные инциденты, ссоры. Но мне кажется, что здесь случай особенный. В последнее время к нам все время звонят и молчат. Понимаете, я бы не стала так бурно реагировать. Это может быть любой из ее знакомых. Наверно, для мальчиков подобные шутки в порядке вещей. Но три месяца назад кто-то позвонил и неожиданно выругался. Вы понимаете, что произошло? У нас в городе такие шутки недопустимы. Никто в здравом уме не посмеет так себя вести. Кто-то позвонил и грязно выругался по телефону. Мы были в шоке. Дочь проплакала всю ночь. Муж сразу обратился в полицию. Они установили, что звонили из какого-то телефона-автомата на вокзале. Вы понимаете, как мы переполошились. Сразу поменяли все номера телефонов, даже мобильных. Но месяц назад, когда мы были на даче, опять кто-то неожиданно позвонил и снова долго молчал, дышал в трубку. Дочь опять расплакалась, а я тогда подумала, что здесь может помочь только настоящий профессионал...

Она взяла свою чашечку с остывшим кофе и сделала несколько глотков, чтобы успокоиться. Затем продолжала:

– Мне рекомендовали именно вас. Признаюсь, что я с недоверием отношусь к разного рода шарлатанам, всяким там провидцам, заклинателям, прорицателям, ясновидцам.

Мне они не нравятся, я им не верю. Но целый месяц мне рассказывали о человеке, который умеет читать чужие мысли и разгадывать любые преступления. Это были вы. Многие в городе знают вас. Не скрою, мне было приятно, что все так восторженно о вас говорят...

– Я не умею читать чужие мысли, – возразил Дронго.

– Наверно, я неправильно выразилась. Но в остальном... все правильно...

– Это единственная причина, по которой вы меня ищите? – уточнил Дронго. – Неужели вы действительно искали меня целый месяц, чтобы я нашел телефонного хулигана? Я понимаю, насколько важно для вас спокойствие дочери, но... простите меня, мне говорили, что вы не просто врач. Мне сказали, что вы психиатр, верно?

– Вы тоже многое узнали, – сдержанно улыбнулась Эмира, – да, я врач-психиатр. И мне было очень интересно с вами познакомиться. Более того, я пыталась найти вас в Москве. Но вас очень трудно застать на месте.

Молчание длилось секунд пятнадцать.

Или чуть больше.

– Мне нужна ваша помощь, – тихо продолжала она, – и не только для того, чтобы найти неизвестного придурка. Мне нужно было с вами увидеться, попытаться с вами поговорить, попытаться что-то понять. Мне очень важно было с вами встретиться.

– И поэтому вы спросили меня про число «тридцать

пять»? – предположил Дронго.

– Это вас шокировало?

– Не напрашивайтесь на комплимент: вы прекрасно выглядите.

– Не знаю, никогда об этом не думала. Но случай с дочерью, ночной телефонный звонок заставили меня задуматься. Я вдруг увидела, как выросла моя Деляра, как быстро пролетели годы. Она ведь уже заканчивает школу и готовится уехать учиться в Англию. Не представляю, как я буду без нее жить, – женщина тяжело вздохнула, – это так страшно. Вдруг я поняла, что жизнь закончилась. У мужа своя работа, свои интересы. Я уже десять лет не работаю. После того как начался этот общий кавардак, я решила уйти с работы, заняться дочерью. А следующим летом она уже уедет. И я останусь совсем одна. Такая одинокая старушка в тридцать пять лет. Приятная перспектива, вы не находите? – Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась несколько натянутой.

– На Западе в тридцать пять лет жизнь только начинается, – напомнил Дронго, – молодые женщины определяются с карьерой, выходят замуж. Бывший госсекретарь Олбрайт, например, защищала диссертацию в сорок лет, будучи домохозяйкой и матерью трех девочек.

– Вы же все понимаете, – возразила Эсмירה, – у нас не Америка. И здесь не поймут, почему женщина вдруг решила заняться наукой или политикой в таком возрасте.

– Пожалуй, действительно не поймут, – согласился Дрон-

го. – Вы хотите еще кофе?

– Нет, спасибо. Раньше я бы выпила еще чашечку, а теперь боюсь. Нужно беречь цвет лица. Хотя... какая разница... Да, если можно, пусть принесут еще чашечку кофе.

Дронго поднялся, вызвал по селектору секретаря. Когда та вошла в кабинет, он показал на пустую чашку гостьи.

– Сейчас, – улыбнулась секретарь. Она работала у Дронго уже несколько лет и успела изучить его характер за время редких наездов своего виртуального шефа.

Забрав пустые чашки, она вышла из кабинета. Дронго вернулся к своей собеседнице, устраиваясь в кресле.

– Подобные звонки повторились? – поинтересовался он.

– Ни разу, – ответила она, – наш телефон некоторое время был под контролем. Но никто не звонил.

– Вы сказали «какая разница», – напомнил он гостье. – Мне кажется, вы слишком серьезно воспринимаете эту глупую историю с телефонным звонком.

– Нет, – перебила она его, – не со звонком, нет. – Она смотрела ему в глаза. – Мне казалось, что вы должны чувствовать состояние своего собеседника.

– Вас волнует это число «тридцать пять»? – еще раз спросил Дронго. – Вам кажется, что жизнь заканчивается, а вы еще ничего не успели увидеть или почувствовать? Просто это кризис среднего возраста. Только он обычно бывает у мужчин. И почти не встречается у женщин. Вы же психиатр и должны это знать.

– Я знаю, – кивнула Эсмירה, – дело не в кризисе. Я вдруг поняла, что прожила полжизни, выполняя все предписанные ритуалы и правила, ни разу не осмелившись их нарушить. В школе я, конечно, была отличницей. В медицинский поступила потому, что так было нужно. Куда могла поступить дочь известного профессора? Конечно, в медицинский. Уже на первом курсе мне начали искать жениха, и на втором я вышла замуж за своего нынешнего мужа. Не могу сказать, что он мне не нравился. Скорее наоборот, очень даже нравился. Он был молодой, красивый, умный, из прекрасной семьи. Через год у нас родилась дочь. Все казалось таким прекрасным...

Секретарь внесла две чашечки и поставила их на столик. Перед его гостьей снова дымился кофе, а перед Дронго стояла чашка со свежесваренным чаем. Секретарь, мягко ступая, вышла, плотно прикрыв дверь. Эсмירה взглянула на уходившую молодую женщину и неожиданно сказала:

– Она красивая...

– Наверно, – сдержанно согласился Дронго.

– Шестнадцать лет назад, когда родилась наша дочь, мне все виделось в розовых тонах, – продолжала Эсмירה. – Мы планировали иметь двух или трех детей, но уже в семьдесят восьмом начались сумгаитские события, затем война в Карабахе. Муж был командирован в Карабах, и мы отложили рождение ребенка. Потом начались январские события в Баку, кровь, убитые, раненые. Вы же помните, что здесь тво-

рилось. Потом девяносто первый год, общий распад страны. Девяносто второй, произошло несколько переворотов, муж вообще ушел с работы. Затем девяносто третий... Снова мятеж. В общем, время было очень нестабильное. В девяносто пятом муж вернулся на службу. Сейчас он работает заместителем председателя Верховного суда.

– Я знаю, – кивнул Дронго, – мне об этом говорили.

– Ему уже сорок пять, – продолжала гостья, – в этом возрасте обычно не думают о детях. Да и мне уже тридцать пять. В общем, мы уже смирились с тем, что у нас больше не будет детей. У его брата трое сыновей, и его родители вполне довольны четверьмя внуками. Его старший брат имеет сына от первого брака. Тот уже взрослый, учится в институте, в Стамбуле. И двое детей от второго брака. Мой муж – младший брат в семье, его брат Анвер старше на два года.

Дронго дотронулся до своей чашечки. Она была горячей. Гостья пригубила свой кофе, снова поставила чашечку на место.

– Не могу сказать, что мы в чем-то нуждались. У мужа был свой бизнес, свой ресторан, магазин. В общем, мы сносно жили все эти годы. Я ушла с работы и сидела дома. Сначала было скучно, потом постепенно втянулась. Мы начали строить новый дом в городе, у меня было много дел. Потом муж с братом начали перестраивать свои дачи. У нас дачи стоят рядом, на соседних участках. Я не думала о своем возрасте. Мне было даже приятно, когда мою дочь принимали за мою

подругу. Но до поры до времени... – Она вздохнула. – Не знаю, как я могла решиться на такой разговор. Но за последний месяц я слишком много про вас узнала. Я даже разговаривала с вашей матерью. Знаете, что она про вас сказала?

– Нет, – улыбнулся Дронго, – честно говоря, не представляю. Хотя, наверное, что-то хорошее.

– Она сказала: «Он умеет понимать людей». Так и сказала: «У него есть дар понимать людей». Наверно, именно тогда я и решила, что обязательно встречусь с вами и поговорю. Если хотите, мне нужен был своего рода исповедник. Человек, которому я могу доверять.

– Мамы всегда немного преувеличивают реальные способности своих детей, – напомнил Дронго. – Боюсь, что я плохой исповедник. Я всего лишь эксперт-аналитик, в мою задачу входит понимание ситуации, чтобы в ней легче разобраться.

– Поэтому я и пришла к вам. – Она посмотрела на пустую чашку, словно желая еще кофе. Но ничего не попросила, а задумчиво продолжала: – С рождения вся моя жизнь была как ровная дорога. Обеспеченное детство, элитный детский сад, лучшая школа, медицинский институт. Говорят, что все лучшие невесты в Баку поступали в медицинский. А ребята на юридический. Вы ведь закончили юридический?

– Да, – усмехнулся Дронго, – но у меня несколько иной вариант. Мой отец был юристом в четвертом поколении, как и его братья. Именно поэтому я с детства мечтал поступить

только на юридический. Я юрист в пятом поколении, и мой случай совсем не типичный.

– Возможно, – согласилась она, – но мой случай как раз абсолютно типичный. Поступление в медицинский, удачное замужество, рождение дочери, когда мне было только девятнадцать лет. Замуж я выходила с полного согласия своих родителей. Можно сказать, что сначала договорились наши родители, а уже затем мы с моим мужем решили, что сможем жить вместе. Мне еще очень повезло, что он оказался умным, порядочным человеком.

Дронго молчал, ожидая продолжения исповеди.

– Иногда я жалею, что не курю, – призналась Эмира с улыбкой. – В общем, все, что я вам сейчас скажу, я бы не сказала даже на исповеди. Конечно, я выходила за своего мужа, будучи девственницей. И конечно, он был моим первым мужчиной. И единственным, – с некоторым вызовом сказала она. – За столько лет я даже не могла подумать, что может быть что-то другое. У меня никогда не было даже подобных мыслей. Хотя иногда я спрашивала себя, почему так нелепо устроен мир. Ведь мой муж встречался до нашей свадьбы с другими женщинами, и подозреваю, что после нашей свадьбы тоже не был ангелом. Но я не имела права даже подумать... Вы ведь знаете местные нравы – здесь подобное никак не приветствуется.

Дронго молчал. Он понимал, насколько она права, и в то же время понимал, что не имеет права с ней соглашаться.

Именно потому, что она права.

– Когда раздался этот звонок, я очень испугалась, – призналась Эсмירה, – мне показалось, что это какой-то извращенец. Потом я немного успокоилась и неожиданно подумала, что никогда в жизни со мной не происходило ничего подобного. Мне вообще никто и никогда не звонил. Я не скрывала от мужа ничего. Абсолютно ничего. Получалось, что моя дочь в шестнадцать лет знает больше, чем я в тридцать пять. Это было обидно и глупо.

Дронго подумал, что иногда хочется закурить и ему.

– Поэтому я пришла к вам, – резюмировала Эсмירה, – мне казалось, что вы меня сможете понять. Именно такой человек – все понимающий, мудрый, терпеливый, наблюдательный, много повидавший. К тому же мы из одного поколения, вы не намного старше меня.

– Что я должен вам сказать? – спросил он.

– Правду, – горько усмехнулась она, – что мне делать? Ждать, когда уедет моя дочь и я останусь совсем одна? Ждать, пока у меня начнется климакс? Извините, что я так грубо говорю. Или попытаться изменить свою жизнь? Что вы мне посоветуете?

Он нахмурился. Машинально поправил узел галстука.

– Я уже говорил вам, что не люблю давать советы, – напомнил Дронго.

– Но мне нужен не совет, а ваша помощь, – убежденно сказала она. – Неужели вы не понимаете?

Он молчал. Сказать, что он понимает гораздо больше, чем она сказала? Сказать, что он умеет читать чужие мысли и ему понятно, почему она пришла именно к нему? Нет, он не имеет права так подлю пользоваться моментом. Поэтому он молчал.

– Я постараюсь найти вашего телефонного хулигана, – наконец прервал он затянувшееся молчание.

– Я не об этом, – возразила она, – вы ведь меня поняли?

– Да, – сдержанно сказал Дронго, – понял...

– И ничего не хотите мне сказать?

– Зачем вы рассказали мне об этом?

– Вы же сказали, что все поняли, – напомнила она ему.

– Может быть. Но в любом случае я пытаюсь не превратиться в дурака. Или подлеца. В такой ситуации очень трудно пройти по лезвию бритвы.

– Вы всегда так уходите от конкретного разговора?

– Когда я чувствую себя в подобной ситуации – всегда.

– Вы думаете, что я вам навязываюсь? – неожиданно спросила она.

– Нет, не думаю. Но я пытаюсь вас понять.

– Мне тридцать пять лет, – упрямо повторила она, – у меня прекрасный муж, взрослая дочь. У меня есть все, чтобы быть счастливой. У меня даже превосходные отношения с моей свекровью, что бывает достаточно редко. И единственное, что мне не хватает в жизни, – это... – Она замялась, подыскивая слова.

– Друга, – сказал Дронго за нее.

– Да, – торопливо согласилась она, – мне не хватает именно друга.

– И вы решили, что я могу заменить вам подобного друга? – поинтересовался Дронго.

– Нет, не заменить, – возразила она, – конечно, нет. Я предполагала, что именно вы сможете стать таким другом.

Он замер. Слова прозвучали достаточно откровенно. Как и в прошлый раз, он не знал, что ответить. Но гостья по-другому поняла его молчание. Очевидно, сделанное признание далось ей слишком тяжело.

– Наверно, я напрасно пришла к вам, – торопливо сказала она, вставая. – Извините меня. Я наговорила вам кучу разных глупостей...

– Сядьте, – коротко сказал Дронго, – и не нужно так нервничать. Мы еще не закончили наш разговор.

Это было сказано таким требовательным тоном, что гостья замерла.

Глава 3

Дронго молчал. Он чувствовал себя не совсем уверенно. С одной стороны, нужно было попытаться объяснить ей ситуацию, с другой стороны, это нужно было сделать настолько деликатно, чтобы ее не обидеть. Он не находил нужных слов.

– Вы считаете меня экзальтированной дурой? – вспыхнула она.

– Нет, – мягко ответил он, – не нужно так реагировать. Вы совершаете ошибку, которую обычно совершают все люди. Вы думаете в этот момент только о себе, даже не представляя, в какой сложной ситуации находится ваш собеседник.

Она удивленно взглянула на него. У нее были красивые глаза. И дело было даже не в миндалевидной форме – они у нее были не просто карие, а какого-то мягкого, бархатного оттенка. Сначала она нахмурилась, затем улыбнулась.

– Помните у Моэма? – спросил Дронго. – Джулия должна была думать не только о себе, но и о друге, который уже ничего не мог сделать?

– Надеюсь, вы чувствуете себя гораздо лучше того друга? – Она улыбнулась, показывая ровные белые зубы.

– Не знаю, – улыбнулся Дронго. Ему понравилось, что она почувствовала обстановку и настолько успокоилась, что смогла взглянуть на ситуацию с комической стороны.

– Знаете, что я еще вспомнил: говорят, что Ремарк очень

правился женщинам. Но сам он не всегда и не во всех случаях чувствовал себя достаточно уверенно. И когда он познакомился с Марлен Дитрих, которая ему очень понравилась, он интуитивно понял, как заинтересовать эту богиню. Тогда он полушутя-полусерьезно признался в своей импотенции.

– Что она ему ответила? – спросила гостья, нервно теребя ручку сумочки.

– Она сказала, что всегда мечтала именно о таком мужчине!

Дронго понравилось, как она смеется. И то, что она наконец убрала руки со своей сумочки и поправила прическу.

– Вы умеете сбить напряжение, – признала она. – Вы умело пользуетесь своими приемами. Я как психиатр это вынуждена признать.

– Я думал, вы заметите, что и у меня масса комплексов, – пробормотал Дронго. – У меня есть свои устоявшиеся принципы, которым я никогда не изменяю. Или почти никогда, – поправился он.

– И один из этих принципов – не встречаться с замужними женщинами? Вы могли бы мне этого не говорить. Не нужно столь демонстративно показывать разницу между нами!

– Боюсь, что вы меня не поняли. – Он чуть нахмурился. – Есть некие принципы, которые я просто пытаюсь соблюдать.

– И вы считаете правильным демонстрировать столь непоколебимую моральную стойкость? – Ирония в этом вопросе прозвучала слишком явно.

– Нет, – признался он, – нет, не считаю. Весь опыт моей жизни свидетельствует против. Человек должен быть счастливым, но при этом стараться не нарушать некие моральные заповеди. Если для счастья нужно перешагнуть через запрет «не убий» или «не укради», то подобное достижение цели лично у меня вызывает отвращение.

– У вас такое отношение ко всем библейским запретам? – поинтересовалась она. Насмешка снова блеснула в ее глазах.

– Нет, не ко всем. Иногда мне кажется, что грех прелюбодеяния – единственный грех, который может быть прощен. Иначе зачем Бог сотворил нас разными и вложил в наши души подобное вожеление? Ведь глупо разрешить встречаться мужчинам и женщинам и при этом накладывать на подобные встречи моральный запрет. Скорее это был запрет для древних иудейских племен, который потом плавно перешел к христианам и мусульманам. Кровосмешение и инцесты могли вызывать чудовищные наследственные болезни. Вожеление жены ближнего могло привести к междоусобицам внутри племени. В общем, все моральные нормы приводились в соответствие с прагматическими целями выживания племен. И даже разрешение многоженства соответствовало данным целям, хотя нарушало прежние моральные нормы.

– У меня такое ощущение, что вам нравится подобный схоластический спор, – поддела собеседника Эсмира. – Мне все больше кажется, что наш разговор похож на некое подо-

бие игры, в которой каждый пытается набирать дополнительные очки. Вы, наверно, меня неправильно поняли: я пришла к вам за помощью! Я прошу, чтобы вы попытались вычислить возможного негодяя и постарались объяснить мне, как можно жить дальше, не имея конкретной цели. Мне кажется, такая проблема рано или поздно возникает у каждого человека после тридцати. Или мне только кажется, что вы можете помочь?

– Я постараюсь найти вашего телефонного хулигана. Что же касается советов... – вздохнул Дронго, – у меня тоже кризис среднего возраста. По большому счету я тоже не знаю, как мне жить и что мне делать дальше. Но стараюсь этого никому не показывать.

Она понимающе улыбнулась.

– Мне почему-то хочется вам поверить. Неужели вы тоже подвержены приступам меланхолии?

– Еще как, – пробормотал он, – только мне некуда обратиться, разве что к психиатрам...

Она оценила его пассаж и закусила нижнюю губу.

– Знаете, о чем я думаю все последние минуты? – неожиданно спросил Дронго. И, не дожидаясь ответа, признался: – Мне очень жаль, что мы встретились с вами в Баку. Я бы предпочел, чтобы эта встреча состоялась где-нибудь в Ницце или в Марбелье.

– У вас странная мораль, господин Дронго, – сказала она, глядя ему в глаза, – вы считаете, что можно разделять пове-

дение и собственные принципы. Что существует внутренняя и зарубежная мораль. Вам не кажется, что вы непоследовательны?

– Нет. В Марбелье или в Ницце я необязательно должен знать семью женщины, которая мне может понравиться...

– Может? – спросила она, поднимая брови.

– Нравится, – поправился он, чувствуя, как дергается правая щека.

– В таком случае мы в одинаковом положении, – негромко сказала она, снова берясь за сумочку.

Он молчал. И без того было сказано слишком много. Она поднялась. Он сразу вскочил, словно опасаясь, что она убежит из кабинета не попрощавшись.

– Когда вы можете к нам приехать? – спросила Эсмירה.

– Когда вы разрешите? – ответил он вопросом на вопрос.

– Завтра, вы сможете приехать завтра?

– Конечно. Завтра в три часа дня я буду у вас. Где находится ваша дача? Или вы остаетесь в городе?

– Нет, на даче. Сейчас тепло, мы еще не переехали. Живем на даче.

– Напишите мне ваши телефоны дома и на даче. Прежние и нынешние, – деловито предложил он. – И, если можно, адреса.

Она кивнула и подошла к столу, взяв лист бумаги.

– Вы можете вспомнить числа, когда вам звонили? И хотя бы приблизительное время? – поинтересовался Дронго.

Она кивнула головой, продолжая писать. Стул стоял рядом, но он ей не понадобился. Закончив писать, она взглянула на Дронго. Глаза у нее стали немного добрее.

– Спасибо, – кивнула она, – я не думала, что вы захотите мне помочь. Что касается вашего гонорара...

– Я его уже начал получать, – перебил свою гостью Дронго.

– Что? – не поняла она. – Как это – получать?

– Наше общение будет мне лучшим гонораром, – ответил с полуулыбкой Дронго, – а на большее я не рассчитываю.

Она отодвинула лист бумаги и, повернувшись, пошла к выходу. Затем остановилась и мягко улыбнулась:

– Я буду вас ждать. Завтра днем. Постарайтесь не опаздывать.

Он протянул руку и взял ее ладонь. Ладонь была узкой, изящной. От неожиданности она сжала пальцы в кулак. Он поцеловал ее руку и поклонился на прощание.

Когда женщина ушла, он вернулся в кресло и уселся, закрыв глаза. Вошедший секретарь осторожно забрала пустые чашки. И пошла к выходу. Не открывая глаз, Дронго спросил:

– Надеюсь, что к нам не ломятся посетители?

– Нет, больше никого нет. Сегодня никого нет, – уточнила она.

Он удовлетворенно кивнул, не открывая глаз. Странно, но он совершенно не представляет, как следует вести себя в по-

добных ситуациях. Странно, что вообще с ним часто происходят подобные истории. Он вспомнил молодую женщину в небольшом американском городке, которая вошла в кинотеатр с безумным выражением лица – явно в поисках мужчины, словно пытаясь найти некую энергию для собственного существования.

Есть мужчины, которые сразу вызывают доверие у женщин. В них чувствуется надежность, основательность, некое мужское достоинство, которое встречается не так часто. С таким мужчиной можно ходить в походы, оставаться в одном номере гостиницы, даже спать на соседней постели, не опасаясь его неожиданного срыва. Это тип людей, никогда не позволяющих себе обидеть женщину или сорвать на ней свои чувства. Такой мужчина всегда держит под контролем свои эмоции, и его трудно вывести из равновесия. Он может смотреть на женщину спокойно, даже когда она раздета или находится вместе с ним в сауне. Словом, это тип «джентльмена» при любых обстоятельствах.

Есть тип «Казановы», который раздевает женщину глазами, даже если на ней верхняя одежда. Женщины сразу чувствуют и этот тип мужчин. Они инстинктивно опасаются подобных самцов, хотя иногда неведомая им энергетика толкает женщину в их объятия. Для второго типа мужчин нет ничего святого. Они могут приставать к любой женщине, даже если это жена или сестра их близкого друга. Любая женщина в пределах досягаемости может оказаться объектом агрес-

сии подобного самца. С ними нельзя расслабляться, нельзя оставлять своих женщин даже в соседней комнате наедине с подобными «сперматозаврами».

Наконец, третий тип мужчин – это бывшие сутенеры, сводники, развратники, превратившиеся к сорока или пятидесяти годам большей частью в импотентов. Для них женщины – всего лишь объект, с помощью которого можно решать различные вопросы: от собственного физического удовлетворения до приличных заработков. Они смотрят на «прекрасный пол» мутным и равнодушным взглядом. Иногда так смотрят гинекологи или венерологи, привыкшие к женскому телу, как мясники привыкают к тушам.

Четвертый тип – это нормальные мужчины, которых, к счастью, большинство. Их волнуют женщины, они эмоционально реагируют на появление красивого женского тела в зоне внимания. Каждый из них реагирует в соответствии с собственным темпераментом, воспитанием или образованием. Их объединяет равнодушное отношение к женщинам и устоявшееся представление о неких нормах морали.

Если принять подобную, довольно приблизительную классификацию, то Дронго, безусловно, принадлежал к первой категории мужчин. Он не раздевал глазами нравившихся ему женщин. И, несмотря на свои многочисленные связи, до сих пор не выработал того мутного взгляда, который отличает представителей третьего типа. Но иногда его тяготило собственное «джентльменство». Он подумал, что становится

слишком осторожным. Или более ленивым? Как иначе оценить собственное поведение? Красивая женщина, которая ему очень понравилась, появилась в его кабинете, не скрывая своих намерений. А он превратил все в бесцельный философский разговор, попытавшись обойти деликатные моменты. Может, он не прав? Может, нужно вести себя иначе?

«Что я должен был делать? – недовольно думал Дронго. – Уступить своим чувствам, поддаться соблазну?» Он ведь прекрасно понимает, насколько неприятной может стать ситуация, если он поплывет по течению. «Кажется, я становлюсь моралистом», – с нарастающей тревогой думал он. В конце концов, кому, как не ему, знать о непредсказуемых случайностях, о том, насколько дорог каждый прожитый день, каждая прожитая минута, насколько хрупкой ценностью является сама человеческая жизнь...

«Интересно, что бы я посоветовал другому мужчине, оказавшись он на моем месте? Нет, наверно, не стал бы вообще ничего советовать. В принципе каждый мужчина должен сам определять собственную модель поведения, а не слушать чужих советов. А своему сыну? – вдруг вспомнил о нем Дронго. – Если бы он попросил моего совета в подобной ситуации? Я бы сказал ему, что он идиот, если отпускает такую красивую женщину, – нахмурившись, ответил он сам на свой вопрос. Потом улыбнулся: кажется, он становится ханжой. Ведь на самом деле в душе он сам остался прежним молодым человеком, которого не страшат никакие условности. –

Завтра я скажу ей все, что думаю, – решил Дронго. – В конце концов, это такая глупость – подавлять собственные чувства! Если два человека хотят встретиться друг с другом – все остальное не имеет никакого значения. Абсолютно никакого, даже если подобная встреча означала бы вызов традициям!»

Он еще не знал, что завтра ему будет не до этого. Он еще ничего не знал...

На следующее утро он сделал несколько контрольных звонков, решив проверить номера телефонов, которые оставила ему Эмира. Попутно он выяснил еще несколько подробностей о ее муже и дочери. Мужа хвалили, дочь восхищались. Словом, это была идеальная семья, которую он мог разрушить своим вторжением. Дронго попросил президента телефонной компании, которого давно знал, о нескольких проверках. Руководитель компании обещал сделать все к вечеру. Дронго перезвонил Эмире Самедовой и попросил разрешения приехать к восьми часам.

– Конечно, – не слишком довольным голосом сказала она, – вам действительно нужно столько времени, чтобы перепроверить наши старые телефоны?

– Я попросил компанию, чтобы они проконтролировали все прежние номера, – пояснил Дронго.

– Вы считаете, что полиция не догадалась сделать нечто подобное? – засомневалась Эмира.

– У меня свой собственный метод проверки.

Очевидно, она почувствовала недовольство в его сухом ответе.

– Мы не успели еще подружиться, как уже ссоримся, – мягко упрекнула она.

– Я пытаюсь просто объяснить ситуацию, – сказал он.

– Хорошо, – сразу согласилась она, – если не можете в три, приезжайте в восемь часов. Заодно познакомитесь с моим мужем. Он как раз к этому времени вернется домой.

Он понял причины ее недовольства, – очевидно, она не хотела, чтобы они встречались.

– Я постараюсь приехать немного раньше, – пробормотал он, – но это зависит не только от меня.

Положив трубку, он решил, что ему не следовало так быстро сдавать позиции. Эта опасная игра могла кончиться непредсказуемо. Но все получилось иначе.

В половине седьмого ему позвонила секретарь. Он как раз в этот момент разговаривал с друзьями из Норвегии по Интернету. Последние достижения компьютерной мысли позволяли не только набирать номер нужного телефона, но и, установив видеокамеру, видеть собеседника. Когда раздался звонок его мобильного аппарата, он недовольно поморщился, но достал телефон, извинившись перед зарубежными друзьями за необходимость прервать разговор.

– Что случилось? – спросил Дронго.

– Звонила Эсмירה Самедова, – сразу сообщила секретарь, – она хотела срочно с вами переговорить.

– Скажите, что я занят, – недовольно ответил он, но тут же подумал, что нельзя в подобном тоне разговаривать с женщиной, которая была с ним так откровенна. – Нет, – остановил он секретаря, – не нужно ничего говорить. Я ей сейчас перезвоню.

Он еще раз извинился перед своими норвежскими друзьями.

Мобильный телефон Эмиры довольно долго не отвечал. Он уже собирался отключиться, раздраженно подумав, что звонок был вызван, вероятно, нервным срывом, когда наконец ему ответили.

– Алло, – сказала срывающимся от волнения голосом Эмиры, – алло, я вас слушаю.

– Вы просили меня перезвонить, – сказал Дронго, – мне сообщили, что вы...

– Да, – перебила она его, – у нас произошло несчастье... Вы можете срочно приехать к нам на дачу?

– Опять вам кто-то позвонил?

– Нет! У нас произошло убийство! Я спрашиваю, вы можете быстро к нам приехать?

Он смотрел на улыбающуюся пару пожилых норвежцев, которых видел перед собой на экране монитора. Они привычно улыбались ему, ожидая конца разговора. Он подумал, что нужно постараться не изменять выражения лица.

– Я вас понял, – ответил он Эмире, – приеду через полчаса. Вы можете сказать мне, кого убили?

– Вы его не знаете, – ответила она, – приезжайте быстрее, пожалуйста. У меня вся надежда только на вас!

Глава 4

Чтобы добраться до дачных поселков, находившихся за городом, нужно не меньше тридцати-сорока минут. Дронго сидел в машине, задумчиво глядя на мелькавшие по краям дороги деревья. Она сказала, что он не знает убитого. Значит, в любом случае это не ее муж. Тогда кто мог оказаться на ее даче и почему его убили? Или она специально разыгрывала перед ним некий спектакль, чтобы пригласить его именно в определенное время, когда должно было произойти убийство? Он вспомнил ее лицо, ее взгляд, неуверенность, колебание, смущение... Так не могла бы сыграть даже гениальная актриса. За долгие годы своих расследований он научился понимать людей, чувствовать их состояние. Конечно, его можно обмануть, но не до такой же степени. Тогда выходит, что на даче произошло невероятное событие, которое иногда случается с обычными людьми.

Машина подъехала к высокому забору и остановилась у ворот. Расположенные друг за другом, трое широких двустворчатых ворот, казалось, были поставлены одним человеком. Идеальный белый забор тянулся вдоль всех трех дач. Дронго нахмурился. Вторые ворота были открыты, и рядом с ними уже стояло несколько машин полиции. Он пошел по направлению ко вторым воротам, понимая, что чрезвычайное происшествие случилось именно там.

Здесь толпилось несколько полицейских. Они мрачно посмотрели на неизвестного им человека. Говорят, что сотрудники полиции умеют чувствовать энергетику незнакомцев. Они вычисляют колеблющегося или опасającegoся их человека. Наверно, за долгие годы работы они учатся определять подозрительное лицо по незаметным для других деталям. Мимика, походка, голос, манера говорить или одеваться – все это говорит им больше, чем посторонним наблюдателям. Ведь определяют же опытные сотрудники дорожной инспекции автомобиль с водителем, который явно опасается встречи с ними. Они безошибочно выделяют подобного водителя из массы автомобилей, проезжающих мимо.

Полицейские, заметив подходившего Дронго, очевидно, почувствовали некую энергетику человека, которого нужно пропустить к месту происшествия. Поэтому ни один из них даже не поинтересовался, куда и зачем направляется неизвестный мужчина высокого роста. Дронго беспрепятственно прошел ворота и вошел в сад. Каждая дача занимала пространство примерно в тридцать соток. Двухэтажные дома были похожи друг на друга, хотя было заметно, что первые два были построены гораздо раньше, чем третий, стоявший слева от места происшествия. Дронго прошел по дорожке, ведущей к дому. Вокруг был хорошо подстриженный сад. Он увидел двух сотрудников прокуратуры, стоявших рядом с домом. Один из них нахмурился при появлении незнакомца.

– Кто вы такой? – отрывисто спросил он. – Что вам здесь

нужно? Вы родственник Самедовых?

С правой стороны виднелось несколько автомобилей, среди которых выделялся темно-синий «Ford Explorer Sport». Это была элитная машина типа джипа, стоявшая прямо у гаража. Рядом с автомобилями и находился пожилой мужчина с почти седой головой, недружелюбно смотревший на приближавшегося Дронго.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Дронго. – Мне нужно видеть хозяйку дома.

– Сейчас не лучшее время, – мрачно сообщил сотрудник прокуратуры. – Зайдите в другой раз. Вы их родственник?

– Наверно, вы правы, – кивнул Дронго, – но она мне позвонила. Я бы хотел все-таки пройти в дом.

– Нельзя, – услышал он в ответ, – сейчас мы туда никого не пускаем.

Пожилой мужчина подошел ближе. Очевидно, он работал водителем у хозяина дома. Посмотрев на Дронго, он удивленно покачал головой.

– Кто вы такой? – спросил водитель. – Почему вы сюда пришли?

– Ты его знаешь, Бахрам? – спросил сотрудник прокуратуры.

– Нет, – ответил водитель, – он не родственник Самедовых. И никогда здесь не был. Пусть покажет свои документы, я его здесь никогда не видел.

– Покажите свои документы, – сразу изменил тон сотруд-

ник прокуратуры, – вы не сказали, как вас зовут.

Дронго вспомнил, что не взял паспорта. Нужно было проверить свои документы, прежде чем выезжать на дачу, где произошло убийство. Нужно было хорошенько подумать, а не бросаться сюда сломя голову. С другой стороны, он был в родном городе и привык к тому, что вокруг всегда было много знакомых.

– Может, мы войдем в дом и поговорим с хозяевами? – предложил Дронго.

– Я его никогда здесь не видел, – уверенно повторил водитель, – наверно, он хочет нас обмануть.

– Позови полицейских, – приказал сотрудник прокуратуры своему напарнику.

Тот повернулся, подзывая рукой стоявших у ворот полицейских.

– Кто у вас старший? – спросил Дронго. – Проводите меня к нему.

– Сначала мы тебя задержим, а потом разберемся, – пообещал сотрудник прокуратуры. У него были редкие потные волосы и выделявшийся мешковатый живот. Бесформенное лицо выражало охотничью радость. Подозреваемый сам явился к ним, и теперь его можно будет предъявить начальству. Дронго оглянулся. К ним уже спешили сразу несколько полицейских. Они могут подтвердить, что никогда не видели Дронго. Тогда ему придется объяснять, как именно он здесь оказался и каким образом проник на тер-

риторию дачи.

– Позовите своего руководителя, – громко потребовал Дронго, и в этот момент он увидел, как из дома выходят двое мужчин. Один был высокого роста, другой – чуть выше среднего. Первый был в светло-голубой прокурорской форме старшего советника юстиции. Увидев незнакомца, он замер, затем сделал несколько неуверенных шагов по направлению к Дронго. Подоспевшие полицейские уже хватали Дронго за руки, когда старший советник, изумленно смотревший на эту сцену, неожиданно закричал:

– Отставить! Отойдите от него! Немедленно отойдите. – На глазах изумленных сотрудников прокуратуры и полиции он подбежал к Дронго, обнимая его за плечи. Ему было лет пятьдесят, он был ростом почти с Дронго. Пока двое мужчин обнимались, сотрудник прокуратуры, приказавший позвать полицейских, разъяренным шепотом посоветовал им быстро исчезнуть. Те достаточно юрко ретировались в сторону ворот.

– Это Дронго, – восторженно сказал ответственный работник прокуратуры, обращаясь к своим младшим коллегам. – Можете считать, что вам очень повезло. Это самый известный эксперт-аналитик в мире. Я даже не могу поверить, что ты сюда приехал.

– Зато самый лучший следователь в республике всегда был Мирза Джафаров, – рассмеялся Дронго, обращаясь к нему. – Хотя, честно говоря, я думал, что ты занимаешься

только проблемами наркотиков.

– Не только, – нахмурился Джафаров, – я уже два года как старший следователь по особо важным делам. И когда прокурор республики узнал, что случилось убийство на даче Самедовых, он решил, что нужно послать именно меня. А ты что здесь делаешь?

– Он родственник Самедовых, – льстиво заявил сотрудник прокуратуры, стоявший рядом с ними. Его мятое лицо приобрело оттенок доброжелательности.

– Поэтому ты хотел его арестовать? – усмехнулся Джафаров. – Ах, Фикрет, сколько я тебе могу говорить, что нужно сначала разбираться, все проверять, а уже потом принимать решения... Идем в дом, – предложил Джафаров, обращаясь к Дронго, – за домом сейчас работают криминалисты.

– Подожди, – попросил Дронго, – я хочу с тобой переговорить, прежде чем мы туда пройдем. Сначала я должен понять, что именно здесь произошло.

– Ты действительно их родственник? – спросил Джафаров. – Или приехал сюда, чтобы разобраться в громком преступлении?

– Нет, я действительно родственник, но боюсь, что очень дальний. Наши семьи породнились два дня назад. Хотя пока мне трудно вычислить степень родства.

Они постепенно отходили от дома и от остальной группы людей.

– На самом деле я приехал сюда из-за звонка Эмиры Са-

медовой, хозяйки дома, она позвонила мне и попросила приехать.

– Вы с ней знакомы давно?

– Нет. Только два дня. Познакомились на свадьбе. Но потом мы с ней виделись. Ее дочери кто-то позвонил, какой-то телефонный хулиган, и она просила помочь найти этого извращенца. Я как раз сегодня занимался этой проблемой, когда она мне позвонила. И я сразу решил, что нужно приехать. Хорошо еще, что здесь оказался ты, потому что я не взял с собой ни паспорта, ни других документов.

– Считаю, что тебе повезло, – серьезным тоном сообщил Джафаров, – если бы меня не было, они бы наверняка упрятали тебя в КПЗ, чтобы у них был реальный подозреваемый убийца. Конечно, утром бы разобрались и тебя отпустили. Но за ночь они могли попытаться «уговорить» тебя взять убийство на себя.

– Что здесь произошло? Кого убили? Ее мужа? Хозяина дома? – поинтересовался Дронго.

– Только этого не хватало! – взмахнул руками Джафаров. – Тогда бы сюда приехал не я, а генеральный прокурор. И все журналисты, каких только можно было найти вечером. Нет, с хозяином дома ничего не случилось. И надеюсь, не случится. Он был на работе и приехал сюда только после того, как узнал об убийстве. Надеюсь, ты знаешь, на чью дачу приехал?

– Конечно, знаю. Муж Самедовой – заместитель предсе-

дателя Верховного суда республики.

– Вот именно. Рагим Самедов считается самым перспективным кандидатом на должность председателя Верховного суда, когда нынешний уйдет на пенсию. Разговоры об этом ходят уже давно. К тому же сам Самедов из Нахичевани, а ты знаешь, как у нас в Баку решаются такие вопросы.

– Знаю, – улыбнулся Дронго. – Тогда объясни мне, кого здесь убили?

– Ты первый раз на этой даче?

– Конечно, первый. А почему ты спрашиваешь?

– Когда подъезжал, ты обратил внимание на три одинаковые дачи, окруженные одним общим забором?

– Разумеется. Обычно такие дачи строят неподалеку друг от друга родственники или друзья, чтобы оказаться рядом.

– Вот именно. На первой даче, с правой стороны, живет старший брат Рагима Самедова, Анвер. У него жена, двое детей. Анвер – бизнесмен, у него свой банк. Они купили этот участок пять лет назад, чтобы построить здесь третью дачу. Купили два участка и присоединили к двум другим дачам. А с левой стороны живет дядя Рагима Самедова. На самом деле на этих двух дачах жили их отцы. Вон на той даче жила семья дяди Рагима Самедова. Там и сейчас живут его тетка, их сын, то есть его двоюродный брат. И его жена.

– Все ясно. Большой родственный клан.

– Именно поэтому я и приехал. Дело в том, что все три дачи охраняются одной общей системой. Братья договорились

об этом. На первой даче есть комната над гаражом, откуда двое наблюдателей следят за забором по окружности всех трех дач. И можешь себе представить, что все фиксируется на пленку. Так вот: никто из посторонних здесь не появлялся! В этом они абсолютно уверены.

– Так кого все-таки убили?

– Двоюродного брата Рагима Самедова – Парвиза. Он довольно известный тележурналист, имел свои передачи на двух телеканалах, был достаточно обеспеченным человеком, писал драмы, одна даже поставлена в нашем Русском драматическом театре. В общем, был человеком незаурядным. Сегодня вечером, примерно два часа назад, его нашли убитым за домом Рагима Самедова.

– Как его убили?

– Кто-то ударил Парвиза по голове. Очевидно, до этого была драка или нечто подобное. Рядом с бассейном сломаны кусты. Неизвестный ударил его, а потом толкнул в бассейн, где он и погиб. Вот почему мы здесь, – тяжело вздохнув, пояснил Джафаров. – Между прочим, сейчас у бассейна находится и прокурор города. Они давние друзья с хозяином дома. Кажется, вместе учились на юридическом.

– Кто был в этот момент в доме?

– Никого. Никого, кроме твоей знакомой. Вернее, твоей родственницы, – поправился Джафаров. И уточнил: – Кроме Эсмиры Самедовой.

– Ей предъявлено обвинение?

– Конечно, нет, – усмехнулся Джафаров. – Мне иногда кажется, что ты немного забываешь о нас. Здесь не Франция, где ты любишь жить, и не Россия, где ты живешь последние годы. У нас не предъявят обвинение жене заместителя председателя Верховного суда, даже если она сама признается в убийстве. Никогда в жизни. И никто ее не станет арестовывать. Но зато прокурор республики доложит в президентском аппарате, и Самедов уже никогда не будет председателем Верховного суда. В этом ты можешь не сомневаться.

– Прокурор республики его не любит? – спросил Дронго.

– Не то слово. – Джафаров оглянулся на дом. – Иногда я себя презираю за все эти мышинные игры. Но ты знаешь нашу реальность. Генеральный прокурор республики – из Карабаха, а нынешний прокурор Баку – выходец из Армении. И он дружит с Самедовым, они бывшие однокашники. Как только Самедов укрепитя в кресле председателя Верховного суда, он сразу попытается протащить своего друга на должность генерального прокурора. Как ты думаешь, это может понравиться нынешнему генеральному? Поэтому он и послал меня для проведения объективного расследования. Он ведь точно знает, что я не стану молчать. У меня имидж абсолютно неуправляемого человека, который не боится говорить правду на самых верхах. После того как мы с твоей помощью разоблачили преступную группу Пашаева, меня считают в Баку чуть ли не современным Пинкертоном. Поэтому и послали копать в этом грязном белье.

– Она была в момент убийства у бассейна?

– Нет, не была. Она говорит, что даже ничего не слышала.

Была в этот момент в доме. Странно, что здесь в это время вообще никого не было. Она даже кухарку отпустила утром и была абсолютно одна.

– Понятно, – Дронго нахмурился, – тогда почему ты считаешь, что она главная подозреваемая?

– Больше никого в доме не было. И версии о неизвестных убийцах, которые смогли перелезть через трехметровый забор, – не замеченными камерами наружного наблюдения и двумя охранниками, – не выдерживают критики. Но, с другой стороны, мы не можем понять, зачем ей убивать двоюродного брата мужа. У нее не было никаких видимых мотивов, абсолютно никаких.

– Забор окружает все три дачи вместе?

– Да, конечно. И камеры установлены по всему периметру.

– Ясно. А между дачами?

– Есть калитки, которые почти никогда не запираются. Мы это уже проверяли. Есть еще небольшой забор, отделяющий каждую дачу друг от друга.

– Кто был на соседних дачах?

– На первой жена и мать убитого. На второй в этот момент находилась жена Анвера Самедова и двое его сыновей. Еще была женщина, которая убирала их квартиру. Самое интересное, что на дачах не было мужчин. Ни одного мужчины на трех дачах, если не считать двух мальчиков. Одному десять

лет, другому семь. Они бы не смогли нанести удар такой силы. Сейчас эксперты исследуют тело погибшего. Мы с трудом удалили его семью. Жена словно обезумела, она кричала так страшно, что мы боялись за ее психику. А мать погибшего словно окаменела. Ее старший сын находится со своей семьей на отдыхе в Чехии. Ему уже сообщили, чтобы он вернулся в Баку. Сейчас Эсмירה Самедова успокаивает женщин. В соседнем доме находятся и врачи.

– Понятно. – Дронго посмотрел на высокий забор, тянувшийся в сторону. И задумчиво переспросил: – Значит, в трех домах вообще не было мужчин? А сами охранники? Они ведь могли выходить из своего помещения?

– Мы это проверили в первую очередь, – возразил Джафаров. – У охранников есть свой санузел, и им необязательно спускаться вниз. Они обычно сидят в своей комнате и ждут следующую смену. Оба клянутся, что никто не спускался вниз. Мы, конечно, будем их проверять, но зачем охранникам так рисковать? Они ведь должны понимать, что любое подозрение падет в первую очередь на них.

– Просто загадка с несколькими неизвестными, – мрачно прокомментировал Дронго. – Давай еще раз. Его нашли убитым у бассейна дома, принадлежащего Эсмירה Самедовой. В доме, кроме нее, никого не было. Верно?

– Да, никого.

– В первом доме находились мать и жена погибшего.

– Правильно.

– А во втором – жена его двоюродного брата, ее служанка и двое детей. Так?

– Ты можешь сразу сказать, кто из них убийца? – поинтересовался Джафаров. – Пять женщин и двое детей – кого из них можно подозревать? Не сомневайся, что прокурор города потребует арестовать обоих охранников. Он уже сейчас готов дать санкцию на их задержание.

– Они знали, что между дачами были открыты калитки?

– Конечно, знали. Об этом знали все, кто работал на дачах, – водители, садовники, охранники, кухарки, служанки, даже приезжавшие гости. Мы будем проверять всех, но каким образом неизвестный убийца оказался на даче, как он сюда попал и как отсюда ушел незамеченным?

Дронго молчал.

– Может, тебе лучше сразу уехать? – неожиданно предложил Джафаров. – Зачем тебе лезть в эти дела – у тебя и без того хватает проблем. У нас ведь не чисто уголовные расследования, к которым ты привык. Здесь, скорее всего, политика, необязательно большая, но обязательно политика. Прокурор города будет делать все, чтобы найти виновных и выгородить своего друга Рагима Самедова. В свою очередь прокурор республики будет делать все, чтобы замазать хоть каким-то образом Самедова и остановить его продвижение к должности председателя Верховного суда. Убийство двоюродного брата, совершенное в доме будущего председателя высшего судебного органа республики, – это всегда дурно

пахнет. Они расшибутся и будут стараться изо всех сил. Зачем тебе лезть в это дело? Боюсь, что никого не будет интересовать реальный убийца – все будут стараться получить на этом деле выгоду. Каждый будет стараться для своей команды. Чтобы не петь чужим голосом.

– Осенний мадригал, – невесело закончил Дронго.

– Что? – не понял Джафаров.

– Осенний мадригал, – пояснил Дронго. – Мадригалами называли песнопения на родных языках в отличие от обычных, латинских песнопений. Они были характерны для эпохи Возрождения. Иногда мне кажется, что мы обречены на многие темные столетия, пока не наступит новая эпоха Возрождения.

– Да, – горько признал Джафаров, – у нас уже была эпоха Возрождения. Весь двадцатый век. Это было лучшее время для Баку и для нашего народа. Я никогда не занимался политикой и не хочу ею заниматься, но ради справедливости стоит отметить, что это был самый прекрасный сон для нашего народа.

– А потом они проснулись. – Дронго вспомнил строчку Брэдбери и тяжело вздохнул. – Пойдем посмотрим, что там произошло. И спасибо за то, что меня выручил. Иначе они бы выбили из меня показания о моей причастности к этому убийству.

Глава 5

Вдвоем они прошли за дом. Здесь суетилась бригада экспертов. Труп уже достали из воды, и он лежал рядом с бассейном. Вокруг дома ходили сотрудники полиции, пытавшиеся обнаружить предметы, возможно, оставленные убийцей. Чуть в стороне стояли двое сравнительно молодых мужчин. Один был тучный, с мощной головой, сидевшей сразу на туловище, словно у него вообще не было шеи. Мохнатые, насупленные брови и строгий взгляд словно давали понять, кто именно является тут старшим. Очевидно, это был прокурор города, о котором говорил Джафаров. Второй мужчина отличался высоким ростом. У него были тонкие губы, нос с горбинкой, выующиеся каштановые волосы. Он недовольно взглянул на Джафарова, появившегося с неизвестным человеком. Это был Рагим Самедов, и он считал, что, чем меньше людей в данной ситуации приедут на дачу, тем лучше.

Джафаров подошел к ним и сообщил Самедову, указывая на Дронго:

– Этого человека вызвала ваша супруга.

– Кто он такой? – недовольно спросил тот. И не без издевки добавил: – Если мастер по чистке бассейнов, то скажите ему, что пришел не вовремя. Хотя для мастера у него слишком умные глаза.

– Сейчас у всех умные глаза, – возразил прокурор горо-

да, – у нас все таксисты консерваторию кончали или политехнический. Столько безработных, что люди с высшим образованием готовы не только бассейны, но и туалеты чистить...

– Извините меня, – перебил его Джафаров, – вы, очевидно, не поняли. Это Дронго, тот самый знаменитый эксперт, о котором вы наверняка слышали. Он приехал сюда по приглашению супруги хозяина дома.

– Дронго? – прохрипел прокурор города. Он недовольно посмотрел на пришельца и отвернулся, ничего больше не сказав.

– Я знаю, что он должен был приехать сегодня днем, – сказал Самедов, – жена говорила мне об этом. Она очень переживает за нашу дочь, которой звонит какой-то негодяй. Она решила, что только такой специалист, как Дронго, может ей помочь. Я тоже много о нем слышал. Мы даже недавно стали родственниками, взяли девушку из их рода. Но почему он приехал только сейчас?

– Спросите у него сами, – предложил Джафаров.

Самедов шагнул к Дронго и, протянув руку, коротко представился:

– Рагим Самедов. Жена говорила мне, что вы должны были приехать сегодня днем.

– Я занимался проверкой номеров телефонов, которые она мне дала, и поэтому немного задержался, – пояснил Дронго. – А потом я узнал, что произошло такое несчастье. Примите мои соболезнования...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.